

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ МОТИВЫ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ВОЛШЕБНЫХ СКАЗКАХ

Абубакырсыдыкова Г

*студентка 4 курса кафедры русской филологии, факультета иностранных
языков КГУ им. Бердаха*

Худайбергенова У.К

*кандидат философских наук, доцент кафедры русской филологии факультета
иностраных языков КГУ им. Бердаха*

Аннотация: Настоящая статья исследует богатство культурных взаимодействий, заложенных в русских народных сказках. Автор обращается к пересечению культурных мотивов, общечеловеческим темам и ценностям, символике и аллегориям, раскрывая универсальность этих произведений. Статья также рассматривает персональные истории героев в контексте национальной идентичности, а также подчеркивает переносимость и адаптацию сказок в различные культурные реалии. В итоге, статья демонстрирует, как русские народные волшебные сказки стали неотъемлемой частью глобального культурного наследия.

Ключевые слова: сказочные, мотивы, фольклорный текст, русские сказки, волшебные сказки, запреты в сказках

Abstract: This article explores the richness of cultural interactions embedded in Russian folk tales. The author addresses the intersection of cultural motifs, universal themes and values, symbolism and allegories, revealing the universality of these works. The article also examines the personal stories of the heroes in the context of national identity, and also emphasizes the portability and adaptation of fairy tales to various cultural realities. Ultimately, the article demonstrates how Russian folk fairy tales have become an integral part of the global cultural heritage.

Key words: fairy tale motives, folklore text, Russian fairy tales, fairy tales, prohibitions in fairy tales

Русские народные волшебные сказки являются богатым наследием культуры, передающими мудрость и традиции поколений. Эти удивительные рассказы часто вобрали в себя не только русские национальные черты, но и интернациональные мотивы, отражая общечеловеческие ценности и аспекты культурного обмена. Исследование интернациональных элементов в русских народных волшебных сказках позволяет лучше понять, как эти произведения стали частью глобального наследия и почему они так привлекательны для аудитории разных стран.

Среди значимых литературоведческих исследований можно выделить труды известных зарубежных фольклористов, таких как братья Гримм, А.А. Аарне, В.М.

Миллер, а среди российских исследователей в этой области наиболее известны А.Н. Афанасьев, Д.К. Зеленин, А.Н. Веселовский, В.Я. Пропп и другие.

В настоящей статье мы будем ориентироваться исключительно на народные волшебные сказки, ибо как говорил В.Я. Пропп, что «волшебные сказки обладают совершенно особым строением, которое чувствуется сразу и определяет разряд, хотя мы этого и не сознаем» [2, с. 13]

В представленных фольклорных текстах имеются элементарные повествовательные блоки сюжета, обозначенные А. Н. Веселовским (1838-1906) термином "мотивы". Хотя в свое время известный русский фольклорист, который своей теорией почти перевернул все мировоззрение ученых на фольклорный текст, В.Я. Пропп (1895-1970) в своем знаменитом труде «Морфология сказки» писал: «Но учение Веселовского о мотивах и сюжетах представляет собой только общий принцип. Конкретное растолкование Веселовским термина «мотив» в настоящее время уже не может быть применено. По Веселовскому мотив есть неразлагаемая единица повествования (Под мотивом я разумею простейшую повествовательную единицу». «Признак мотива – его образный, одночленный схематизм; таковы неразлагаемые далее элементы низшей мифологии и сказки»)» [2, с. 21-22].

Самым главным мотивом, который двигает главного героя к цели является мотив отлучки. Данный мотив говорит нам о том, что кто-то из членов семьи каким-то образом покидает родной дом: «Надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках» [4, с. 265]

Причин покидания дома бывает несколько: смерть родных, отлучка старших по делам, отлучка младших и т.д. Вспомним момент из знаменитой сказки «Гуси-лебеди», которую читали с детства. Данный мотивом сказки является момент, когда сестрица Аленушка «выбежала в чистое поле; метнулись вдалеке гуси-лебеди и пропали за темным лесом. Гуси-лебеди давно себе дурную славу нажили, много шkodили и маленьких детей крадывали; девочка угадала, что они унесли ее братца, бросилась их догонять» [4, с. 185]

Архетипический образ жилища, будь то дом или дворец, в контексте волшебных сказок подвергается вариации, приобретая альтернативные формы, такие как, например, сундук. Однако несмотря на изменения в форме, основные функциональные характеристики и смысловая нагрузка остаются постоянными.

Запретное воздержание применялось в пределах времени до достижения заключенным возраста совершеннолетия. Возраст, при котором дети приобретали статус совершеннолетних, демонстрирует в каждой сказке вариабельность, колеблясь от 14-15 до 17-18 лет.

Согласно трактовке многих исследователей, заключение девушек в определенные периоды анализируется в контексте их менструального цикла. В.Я. Пропп, в свою очередь, аргументирует мотивацию изоляции девушек в свете определенного мотива, «древнейшего религиозного субстрата» которого «является

страх перед невидимыми силами, окружающими человека. ...Этот страх приводит к тому, что менструирующих девушек подвергают заключению, чтобы оградить их от этих опасностей» [1, с. 29-30]

Мотив запрета взгляда человека, аналогично предшествующему, коррелирует с культурным табу на открытое представление своего лица: «Когда он пришел, царевич сказал ему: «Не подходи близко», - а сам отвернулся и вздохнул в сторону от царя» [4, с. 303]. Следующий пример показывает нам и запрет солнечного света: «Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило» [4, с. 140].

В современных обществах, включая современное русское, несмотря на отсутствие практически полного запрета на воздействие солнечных лучей, запрет взгляда человека продолжает существовать. Этот запрет может интерпретироваться как боязнь сглаза или дурного глаза, что стимулирует современных русских к проведению специфических обрядов.

Мотивы, связанные с запретами на прием пищи, присутствуют в русских народных волшебных сказках. В своих трудах В.Я. Пропп и Дж.Дж. Фрэйзер (1854-1941) предлагают несколько вариантов рассмотрения, включающих примеры, где слуги предоставляют пищу заключенным через специальное окошко, при этом уходя, соблюдая запрет заглядывать в лицо заключенному или заключенной: «Фу, фу, фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катится» [4, с. 137]. «Чего кричишь? Ты прежде напой-накорми, в баню своди, да после про вести и спрашивай» [4, с. 105]

Следовательно, возможно утверждать, что некоторые мотивы в сказках обладают корнями в реальных исторических событиях. Тем не менее, определение того, когда и какие культуры первоначально утвердили эти обряды, становится уже задачей не фольклориста, а скорее историка-этнографа.

В итоге, анализ интернациональных мотивов в русских народных волшебных сказках позволяет нам оценить не только их национальное значение, но и уникальное влияние на мировую литературу и культурное наследие. Русские народные сказки, обогащенные элементами из различных культур, не только подчеркивают универсальность человеческого опыта, но и служат своеобразным мостом между нациями.

Эти рассказы стали неотъемлемой частью культурного обмена, переносясь через границы и времена, а их интернациональные мотивы укрепляют их актуальность для аудитории по всему миру. Русские волшебные сказки, таким образом, не только сохраняют свою национальную идентичность, но и дарят миру ценный культурный нарратив, преодолевающий географические и культурные границы. Их универсальность и магия продолжают вдохновлять и завораживать поколения, делая их важным элементом мирового литературного наследия.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – Москва: Изд-во «Лабиринт», 2000. – 336 с.
2. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Ленинград: Изд-во «ACADEMIA», 1928. – 152 с.
3. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. – М., 1976. – 328 с.
4. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. Т. 1 / Предисл. В.Я. Проппа. – М., 1957. – 516 с.